Лит. газ. 1981, 23 янв, №2

Обширная программа Дней литературы включала не только выступления известных мастеров искусства, фронтовиков, ученых, художников, композиторов, артистов, режиссеров, сценаристов, но и творческие встречи литературоведов, критиков, литературоведов, ученых, фронтовиков, композиторов, артистов, режиссеров, сценаристов, мастеров

ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ

Выступление А. А. Фадеева в Литературном музее 23 декабря 1940 г. на обсуждении проекта всесоюзной выставки, посвященной В. В. Маяковскому (печатается по неправленной стенограмме).

Осмотрев вместе с товарищами Перцовым и Асеевым весь материал, мы пришли к одинаковому мнению, которое я попытаюсь сформулировать.

Мы считаем, что общий план выставки, ее политический рисунок в общем правилен. Мы это принимаем.

Нужно развить литературную сторону дела и характеристику Маяковского как личности, как индивидуальности более широко и полно...

Во-первых, мы должны уже не бояться теперь, после того, как у нас есть такой правильный политический рисунок выставки, показать Маяковского в его конкретной связи с литературой своего времени, имея в виду литературную борьбу.

Если взять дореволюционное время, встает вопрос о футуризме. У нас есть полная возможность показать, что́ именно Маяковский представлял из себя в футуризме. У нас есть витрина, где показаны литературные отношения того времени. Здесь нужно подчеркнуть все это мракобесие, упадочнические вещи и показать, что́ же именно внес с собою Маяковский. Его не надо рассматривать как-то стыдливо, — надо показать, что́ он представлял собою в футуризме. Ведь он был его организатором. Другое дело, что там были люди, которые потом отошли. Но для него это была какая-то борьба, возможность для утверждения каких-то революционных тенденций, мыслей, действий в области не только самого искусства. Мы можем это смело показать.

Можно показать здесь и футуризм. Из футуристов нужно показать Хлебникова, нужно Бурлюка показать, Каменского и Маяковского. Конечно, не так кружком подать их, а показать, что́ значило это для Маяковского, чтобы его футуризм был только как способ, как средство какого-то революционного ниспровержения этого строя, всего этого общества.

Это одна сторона дела. То же самое нужно сделать и относительно последующего его развития. Тот же МАФ, ЛЕФ, РЕФ — все это нужно показать. Не нужно обязательно тащить сюда и представлять все кружки, портреты всех членов кружков, а именно показать то революционное, что за Маяковским шло. Мы должны подчеркивать все время, что для Маяковского все эти литературные формы были связаны с какими-то задачами и общеполитическими, и литературными.

Нужно показать его соратников и последователей в этих кружках. Не при Асееве будь сказано, нужно и Асеева показать в какой-то связи, и Шкловского показать, показать Кирсанова, Кассиля, которые работают сейчас как советские литераторы. Каменского надо снова повторить в этой связи. Но опять-таки надо дать все это в разрезе литературы этого периода, то есть нужно где-то показать, как литературные силы располагались в эту эпоху, показать, что нового несла с собою литература уже в этот период. Не нужно особенно сосредоточивать внимание именно на борьбе между группами, потому что это пустяки, но нужно дать борьбу больших тенденций. Ведь мало ли было группировочек, а показывать нужно только борьбу тенденций, показать классово-враждебные влияния, брать революционный фланг литературы, фланг наиболее крупных революционных художников. Фактически Маяковский был главою этого революционного фланга...

Это одна сторона дела. А другая — как это сделать конкретно, через что это сделать и, особенно, как подать Маяковского как индивидуальность, как личность, как незаурядного человека во всем многообразии его деятельности...

Желательно, чтобы было больше чего-то зрительного и объемного за счет сокращения каких-то текстов...

Спрашивается, что же нужно сделать? Во-первых, книги смотрятся довольно охотно. Нужно суметь так их подать, чтобы они были очень броски, чтобы это было наглядно и внушительно.

Но этого мало. У нас есть афиши. Мы должны дать их как иллюстрацию к определенному периоду... Может быть, в вертушке или еще что-нибудь изобрести, но нужно использовать все фотографии, какие есть, и любительские, и прочие. Нужно их увеличить, чтобы они были значительнее. Нужно начинить ими выставку, чтобы Маяковский был дан во всех видах и проявлениях как человек.

Нужны макеты... Например, нужны макеты его комнат в Лубянском проезде и в Гендриковом переулке.

Нужно собрать некоторые предметы. Например, у него... есть типичный бумажник, — не бумажник, а кусок кожи, который раздвигается. Это не трафаретная, а индивидуальная вещь. Есть и еще какие-нибудь предметы, которые нужно обыграть, показать. Может быть, дать макет рабочего стола Маяковского и макет автомобиля Маяковского, и вообще каких-то предметов, чтобы можно было через это совершенно конкретно его ощутить: вот какие предметы он любил.

Помимо общих макетов, нужно еще дать предметы, которые Маяковского особенно интересовали. Может быть, сосредоточить их в одном месте или разбросать там, где надо, — я не представляю еще себе этого, но надо это сделать.

...Мы должны дать макеты постановок, — например, «Бани», «Клопа», и еще пантомимы, которая шла в цирке. Может быть, и там можно найти людей, которые помогут показать, как это было. Если мы эти постановки покажем, это внесет какой-то живой дух в выставку...

Последний вопрос насчет иллюстраций. Несмотря на то, что затрачены на заказы большие деньги, мы должны брать только то, что безусловно хорошо получилось.

Публикация
Т. Н. КОНОПАЦКОЙ

Из писем А. А. ФАДЕЕВА

Ф. П. ГЛЕБОВУ

Ф. П. Глебов — художник, один из иллюстраторов «Молодой гвардии».

Уважаемый Федор Петрович!

Ознакомившись с первыми 18-ю рисунками к «Молодой гвардии», я нахожу их в большинстве чрезвычайно удавшимися. По своему решению они, на мой взгляд, отвечают духу романа, трактовка главных героев верная и не повторяет то, что уже было.

По существу — с отдельными замечаниями более или менее мелкого характера, высказанными мною устно, — все эти рисунки я считаю приемлемыми. Наиболее серьезные замечания можно и нужно сделать в отношении трех рисунков: 1. Сцена прощания Проценко с Лютиковым; 2. Сцена клятвы; 3. Трактовка Баракова в соответствующей сцене...

Есть рисунки, чрезвычайно удавшиеся, — сцена в тюрьме, когда Уля читает, решена прекрасно. Хорош рисунок с Тюлениным — поджог биржи. Сцена с флагом, «молодогвардейцы» у радио — все это хорошо.

Желаю Вам всего доброго.

А. ФАДЕЕВ

5/II-54 г.

* * *

11 марта 1954

Дорогой Федор Петрович!

«Клятва» теперь получилась превосходно: характеристики теперь очень индивидуальны, и все очень человечно, никакого позирования. Бараков очень улучшился, выражение лица у него теперь очень сложное, отвечающее положению, рабочая группа в этом рисунке превосходна. Прощание подпольщиков теперь улучшилось и в общем приемлемо. Хорошо дан Шульга, хотя и с «тыла». Лютикова я на Вашем месте сделал бы без улыбки, спокойно-серьезным, а Проценко — веселым. В романе ведь сказано, что он живой и румяный. А жена его — слишком молода у Вас. Она — 30-летняя женщина, очень самостоятельная, с богатым душевным миром, а у Вас она кажется одной из «молодогвардейцев». Однако... если у Вас уже нет времени работать над этим местом или трудно в короткий срок решать его иначе, оно может остаться и таким: идейное его содержание в общем доходит.

Крепко жму Вашу руку.

А. ФАДЕЕВ

Публикация
Е. В. СЫРОМЯТНИКОВОЙ

М. А. ПАВЛОВУ

М. А. Павлов — крупнейший советский металлург, академик. Работая над романом «Черная металлургия», Фадеев хотел встретиться с Павловым.

31 января 1953 г.

Многоуважаемый Михаил Александрович!

Прошу Вас не удивляться, что поздравляет Вас со славным девяностолетием Вашим человек, лично Вам не знакомый (которого — льщу себя надеждой — Вы, может быть, знаете только по его произведениям), да еще поздравляет с опозданием, когда празднество, так сказать, отшумело и пироги съедены.

Позвольте мне, тем не менее, от всей души поздравить Вас и крепко пожать Вам руку.

Знакомство с книгой Ваших воспоминаний, обработанных Беком, вызвало во мне чувство глубокой симпатии и уважения к Вашему жизненному пути, инженера и ученого. Какой это благодарный и благородный пример для многих поколений молодых инженеров и ученых, пример и для молодежи наших дней, хотя сегодня для нее открыты все пути на производство, — да еще какое производство, — и в науку...

Мне доставляет особенную радость хотя бы заочно пожать Вам руку и то обстоятельство, что я помню Вас лично по 1921—24 годам, когда я был студентом Московской горной академии, — правда, не «металлургом», а «геологом». (Впрочем, как видите, и геолога из меня не вышло!)

Судьба судила мне приняться сейчас за длинный роман о советской металлургии, а вернее — о людях ее, больших и малых. Занимаюсь я уже им года полтора, хотя многообразная другая работа частенько отрывает меня.

Просил я работников ЦНИИчермет (о великий и свободный русский язык!), чтобы они представили меня Вам, мне о многом хотелось бы поговорить с Вами — и я очень благодарен Вам за то, что Вы дали на это свое согласие. Но вышеупомянутая многообразная работа надолго оторвала меня от Москвы, и я очень горюю, что я до сих пор не смог встретиться с Вами. Тем не менее я очень и очень надеюсь, что Вы не откажетесь побеседовать со мной в ближайшее время...

Прошу прощения, что поздравление мое, кажется, переросло в автобиографическую справку.

Еще раз поздравляю от всего сердца, желаю Вам могучего здоровья.

Ал. ФАДЕЕВ

Публикация
А. А. НОВИКОВОЙ

Всеволоду ИВАНОВУ и Т. В. ИВАНОВОЙ

Письма датируются 1954 г. Речь в них идет о романе «Черная металлургия».

Дорогие Тамара Владимировна и Всеволод!

Есть у меня к Вам просьба характера, я бы сказал, «профессионального». Мне нужен один совет. Примерно через месяц я начну сдавать в журнал новый роман, но не целиком, а кусками, большими — первый из них листов на 10. В теперешнем своем возрасте я этот «метод» печатания презираю, но я вынужден на него пойти, ибо только показав товар лицом, если товар действительно подходящ, я могу рассчитывать на дальнейшую возможность работать более или менее спокойно. (Меня уже пытаются вызвать, вытащить и туда и сюда, — то ли еще будет, когда дело подойдет ближе к съезду.)

Этот метод печатания таит в то же время и опасности: в многопланном романе, где много действующих лиц, очень легко потом, по окончании, убрать неизбежные длинноты экспозиции. Сейчас же я этого видеть не могу. Но читатель, который реагирует очень просто: «скучно!» — он это сразу заметит, и будет разочарован поначалу. Зато профессиональный человек со стороны, который знает что почем и что — куда, тот сразу скажет: «А вот это у тебя, братец, здесь отяжеляет, это ты лучше расскажи где-нибудь потом». И даже конкретно может сказать: «До сих пор было нормально, а дальше пошло на неоправданную затяжку, лучше скажи об этом позже, а здесь уже переходи на развитие действия».

Так вот, я очень боюсь за первых 2 листа. В них экспозируется частная, интимная жизнь молодой рабочей семьи, а все самое главное начинается потом. Мне лично — черт побери! — просто нравится, как написаны эти два листа (по фактуре). А Ангелина Осиповна (Степанова, жена Фадеева. — **Ред.**), которой я читал и которая знает мои сомнения на этот счет, тоже боится, что слишком затянуто для начала. Мне ни черта не стоит любого размера кусок из этой частной экспозиции рассовать и в других местах романа! А бес самообольщения говорит: «Что ты, что ты, ведь это как раз и оригинально (по нынешним-то привычкам торопиться) — начать этак с интимной-то жизни, это-то в тебе и ценно (хе-хе!)».

Если у Вас сегодня не занят вечер, я очень прошу прийти ко мне в 8 ч. и поскучать на этих двух листах — и либо поддержать авторские сомнения, либо... беса.

...Я хочу позвать также Конст. Федина, если он здесь...

Черкните мне ответ!

С любовью

А. ФАДЕЕВ

19.V, среда

И еще одна просьба, очень для меня важная. Чтобы иметь возможность работать, я живу инкогнито, очень тихо. Прошу не говорить ни друзьям, ни недругам, ни лицам частным, ни «официальным», что я здесь живу. Приезжал, мол, читал, а где живет — не знаем.

* * *

Дорогая Тамара Владимировна и Всеволод!

Костя не сможет быть, но Вас я жду обязательно в 8. Ему я почитаю отдельно, — автору только подай! Костя пишет, что его тоже смущает экспозиция. Наверно, и Всеволода смущает она же, проклятая. Так будем же мучить друг друга экспозициями с той целью, чтобы уже читатель над ними не мучился. При встрече договоримся, когда читка Всеволода. Придет Костя, будем слушать его.

Жду Вас!

А. Ф.

Публикация
Т. В. ИВАНОВОЙ